

РЕЦЕНЗИЯ

на доклад БАЙРАМКУЛОВА Алана Кемаловича

«ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРА»

Актуальность темы, рассмотренной в работе Алана Байрамкулова никогда не снижается: пока стороны вступают в договорные отношения и фиксируют свое волеизъявление, всегда в тот или иной момент возникает проблема необходимости истолкования конкретного договорного условия.

В противовес иностранной науке, в отечественной литературе нет хорошо проработанных цельных и структурных работ по толкованию договоров. Единичные работы, чаще всего представленные параграфами или статьями в научных журналах, содержат в себе лишь отрывочные фрагменты той или иной проблематики толкования. Тем более ценен материал, собранный и проанализированный автором.

Толкование как процесс субъективный очень сложен в анализе, и достаточно трудно дать какие-либо общие рекомендации, которые приведут к справедливому толкованию договора. На мой взгляд, А. Байрамкулов один из немногих в отечественной юриспруденции предпринял попытку комплексного анализа исследуемой проблемы с проведением четкого разграничения различных методов толкования: буквального, субъективного и объективного. К сожалению, следует признать, что зачастую отечественные авторы выделяют лишь буквальное и субъективное толкование, противопоставляя эти методы друг другу, игнорируя при этом наличие третьего метода – объективного, широко обсуждаемого западными юристами.

Несомненно, сильной стороной работы А.Байрамкулова является разбор широко применяемых в западной юриспруденции подходов к толкованию (как-то: clauses claires et précises, горизонт понимания адресата (*Empfängerhorizont*), implied terms и др.) и сравнение их с российской практикой правоприменения.

Работа написана четким, понятным языком, с логическими выводами из каждого посыла автора.

В то же время, с некоторыми положениями доклада можно поспорить.

В первую очередь, стоит отметить стремление автора отдать пальму первенства субъективному методу толкования (нацеленному на выяснение истинной воли сторон) и преуменьшить заслуги буквального толкования договора.

Не могу с этим согласиться. Анализ зарубежных подходов в толковании показывает, что ни один процесс толкования не обходится без стадии исследования буквы договора. И если нет неясности в нем, то и отсутствует необходимость в исследовании намерений сторон, которые очевидны из самого волеизъявления.

Воля как категория юридически безразличная должна быть в определенный момент объективизирована для трансформации в элемент состава юридической сделки. Указанная объективизация и представляет собой волеизъявление. Волевой процесс, в рамках которого формируется воля на сделку, есть явление динамичное. Это означает, что под влиянием новой информации или эмоций лицо постоянно оценивает правильность принятого решения. Разумеется, каждой личности свойственны сомнения относительно правильности принятого решения. Более того, решение может много раз меняться в ходе процесса формирования воли, в том числе и после того, как решение о совершении сделки будет принято и даже сообщено адресату. Однако волеизъявление фиксирует содержание воли в том виде, в котором оно было выражено (в том числе в случае неполного выражения воли)¹.

Зачастую излишнее использование толкования в качестве инструмента для разрешения спора между сторонами, может привести к последствиям, на которые стороны не рассчитывали. Более того, такое толкование никак не отражает намерения сторон при заключении договора.

Не могу согласиться и с выводом автора о том, что введение опровергимой презумпции в пользу буквального значения условия договора не повлияет существенно на судебные издержки сторон.

Напротив, на мой взгляд, установление первичного ограничителя в качестве буквального толкования обусловлено необходимостью упрощения судебного производства и снижения затрат на него. В противном случае, на судью возлагались бы непомерные временные затраты на выискивание в каждом конкретном споре истинных намерений сторон. А стороны, в свою очередь, могли бы этим всячески злоупотреблять, принося все больше

¹ Панов А.А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестник гражданского права. 2011. N 1. С. 52 – 81

внешних доказательств, которые якобы свидетельствуют о каких-то иных намерениях, прямо не выраженных в договоре.

Первичное исследование буквального смысла необходимо в силу стремления к коммерческой определенности и возможности осуществления судопроизводства без затруднения.

Несмотря на то, что буквальный метод толкования не лишен некоторых недостатков, о которых говорит А. Байрамкулов, среди его несомненных плюсов можно отметить:

- буквальный метод толкования наиболее дешев для осуществления судопроизводства;
- он благоприятствует правам третьих лиц, которые чаще всего основываются лишь на текстуальном содержании договора, а не иных обстоятельствах;
- названный метод сподвигает стороны более внимательно относиться к составлению договора, что теоретически, уменьшает вероятность возникновения судебного разбирательства.

Буквальный метод – это начальный этап любого толкования. Суду следует сперва обратиться лишь к тексту договора и выяснить: есть ли какие-то в нем неясности, пробелы, противоречия. В этом и состоит существо буквального метода.

В данном ключе сформулирован порядок применения методов толкования и в ст. 431 ГК РФ: исходя из ее содержания никто не заставляет толкователя ограничиваться лишь буквальным методом. Буквальный метод является лишь неким стражем на входе, ограничивающим свободу толкователя от произвольного анализа содержания договора. В противном случае, выискивание каких-то якобы истинных намерений сторон там, где их на самом деле нет, лишь приведет к затягиванию судебного разбирательства и возникновению благодатной почвы для многочисленных злоупотреблений процессуальными правами со стороны его участников.

Наделение сторонами правом оспаривать содержание договора несет в себе риски затягивание процесса и его удорожание. В любом случае перед судьей будет стоять дилемма: либо затратить значительную часть времени на исследование дополнительных доказательств, предоставленных сторонами для толкования договора, либо сделать отписку относительно того, что представленные доказательства не убедительны и не влияют на интерпретацию

буквального текста договора. Очевидно, что и тот, и другой случай приводит к негативному эффекту.

Субъективный метод толкования, безусловно, более гибок, нежели буквальный, и зачастую больше отвечает интересам сторон договора. В то же время рассматриваемый метод не лишен и недостатков.

Во-первых, он увеличивает расходы на осуществление судопроизводства, поскольку возлагает на судью роль активного толкователя. Зачастую, суд фактически должен переписать договор за стороны.

При этом, если расходы на ведение переговоров (которые снижаются при использовании субъективного метода) неотвратимы и определены, то расходы на ведение судебного спора непредвидены и могут перекрывать переговорные расходы.

Во-вторых, субъективный метод толкования создает множество неопределенностей. Нет ясности, что входит в круг обстоятельств, подлежащих исследованию. Теория воли исключает коммерческую определенность.

Не могу согласиться и с выводом автора относительно того, что увеличение роли субъективного метода толкования повышает уровень договорной дисциплины. Напротив, если мы на первый план выдвинем выявление действительной общей воли сторон, это снимает с авторов ответственность более добросовестно подходить к тексту составления договора, полагаясь при этом на дальнейшее решение суда. На мой взгляд, все же мы должны сохранить презумпцию, что общая воля сторон выражена ими в тексте договора.

Еще один вывод А. Байрамкулова, с которым хотелось бы поспорить, касается положений о восполнительном толковании. В первую очередь, не могу согласиться с тем, что суд по своему усмотрению может не применять диспозитивные нормы права в тех случаях, когда стороны не урегулировали спорный момент в договоре, а сами диспозитивные условия «противоречат особому положению интересов сторон исходя из условий конкретной сделки».

Сходу сложно придумать ситуацию, когда бы данное правило смогло сработать. Диспозитивные нормы права и нацелены, в первую очередь, на то, чтобы восполнить пробелы в договоре и не заставлять стороны придумывать регулирования для всех возможных сценариев развития отношений. Следует признать, что практически невозможно составить договор, который бы покрывать всевозможные риски: это обусловлено и тем, что стороны не

могут спроектировать возможные будущие споры, и объективными причинами, в частности, затягиванием переговорного процесса и громоздкостью самого договора. Так, например, Р.Познер, рассказывает о судебном деле из своей практики, касающегося спора из договора на 2000 страниц, при этом предмет спора не охватывался названным договором².

Наконец, достаточно смелым является предложение автора закрепить на уровне разъяснений Верховного Суда РФ правило о восполнении судом положения договора, о котором стороны могли бы договориться, если бы предусмотрели его изначально. Задачей суда является толкование договора, а не переписывание его за сторон. При этом грань между тем и другим действием настолько тонка, что зачастую, сложно определить, в какой момент суд истолковал договора, а в какой буквально переписал с использованием активной позиции толкователя. Хотелось бы получить от А. Байрамкулова анализ данного положения с политico-правовой точки зрения и обоснование возможных издержек в случае его положительного утверждения.

В целом, предложенные А. Байрамкуловым идеи и положения, выдвинутые в качестве разъяснений для возможного закрепления на уровне судебной практике заслуживают большого одобрения и серьезного исследования. Все приведенные в рецензии дискуссионные вопросы служат лишь площадкой для дальнейшего обсуждения и развития проблематики толкования договоров.

Фетисова Екатерина Михайловна
кандидат юридических наук,
Региональный юрисконсульт
компании с ограниченной ответственностью «МастерКард Европа»

2 декабря 2015г.

² Richard A. Posner. The law and economics of contract interpretation. – John M. Olin law & economics working paper № 229 (2nd series), November 2004. P. 34